

И. Галкин

В пустыне льда есть остров скал...

В 1981 году исполнилось 25 лет с начала нового этапа в раскрытии тайн Белого континента — работ советских Антарктических экспедиций. С октября 1956 года наряду со станциями Мирный и Пионерская начались регулярные наблюдения на станции Оазис. Мы помещаем рассказ о первой зимовке на станции Оазис.

В Московском филиале Географического общества в январе — феврале этого года бывало оживленно. Собирались ветераны и новички, седовласые полярники, летчики, капитаны, героические лыжники «Метелицы» и любознательные школьники клуба «Юный полярник из Пушкино». Повод для встреч волнующий — дата знаменательная, четверть века. В январе 1956 года высадились на ледовый континент первая советская Антарктическая экспедиция, начавшая новый этап небывалого наступления на тайны шестого континента Земли. И с тех пор плавало, летало туда, зимовало около 15 тысяч советских испытателей природы. Астроном-гравиметрист Георгий Лазарев, геоморфолог и писатель Владимир Бардин, геофизики доктора наук Сергей Ушаков и Олег Сорохтин — сегодня уже бывалые антарктики, а ведь, кажется, недавно плыли мы все туда новичками.

Здесь я показываю слайды Оазиса Бангера. Эта станция интересует многих: филателисты не могут разыскать ее почтового штемпеля, да и живых свидетелей мало, ведь станция существовала всего два года, потом была передана ПНР, потом закрыта. А оазисы — особые области Антарктиды, острова скал в пустыне льда. Слайды черно-белые, цветных тогда в ходу не было. Усердно, день за днем писанные дневники помогают перелистать драгоценные страницы памяти.

Вторая Антарктическая

Одиннадцатого декабря 1956 года гудки судов у причалов Калининградского порта проводили в многодневный рейс дизель-электроход «Лена». Третий корабль Второй Антарктической экспедиции, которая совпала с Международным геофизическим годом. Тогда ученые многих стран, люди, чьи профессии начинаются с приставочки «гео-», — геологи, географы, геофизики — объединились, чтобы «раскрасить белые пятна» на поверхности Земли. А Антарктида еще оставалась «белым пятном» и в прямом, и в переносном смысле. Можно сказать, что она была для Земли тем же, что и обратная сторона Луны, — «терра инкогнита», земля неизведанная.

Миля за милей тянулся на юг светящийся след кильватерной струи «Лены». Мы шли путем мореплавателей, о которых зачитывались мальчишками. Начиналось путешествие, экспедиция, зимовка, о которой вспоминаем до сих пор вот уже двадцать пять лет, рассказываем коллегам и друзьям, детям (и, бог даст, еще услышат внуки) как о необычайно ярких, едва ль не самых значительных событиях жизни. Тем более, что вступали мы в них едва оперившимися специалистами: Джамиль Султанов и Леонид Баранский — однокашники по геологическому факультету МГУ, Владимир Бардин — студент четвертого курса географического, Михаил Пудовкин — аспирант ЛГУ, Владимир Измайлов — выпускник Макаровской мореходки, Георгий Лазарев — слушатель Военно-инженерной академии, Владимир Константинов — ординатор. Что и говорить, нам повезло и в этом — подобралась славная компания одногодок.

Неприступный барьер

22 января 1957 года мы увидели белую громаду ледяного панциря, 137 лет до этого, примерно в те же январские дни его впервые открывали русские мореплаватели со шлюпов «Мирный» и «Восток» (в их честь и названы первые станции в Антарктиде).

«Незабываемые минуты — 15.30 (московское время), «Лена» — на рейде Мирного. Впереди слева (на юге) — коренные пики десятка островов Хасуэлла, первый на шестом континенте советский поселок. В бинокль видны домики, тракторы, «Кооперация» у возвышающегося над ней ледяно-

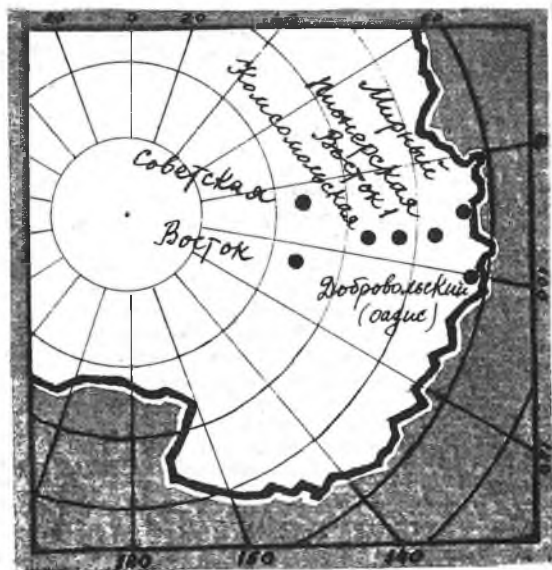
го барьера. Слева огромным белым языком вдается в море Дейвиса ледник Шеклтона. Циклонический ветер протянул от него на север столбообразные прямоугольники айсбергов. За Мирным куда хватает глаз поднимается во все стороны ледяная гора...

19.00. Впервые вступаем на шестой континент. Нагибаюсь за куском кристаллической породы — завтра подарю Бардину. Наш геофизический отряд под водительством «живого зимовщика», молодого магнитолога Горика Букина движется на встречу с коллегами первой зимовки. Панорама Мирного: кают-компания, радиостанция, склад, собачник, сейсмостанция, сотни две бочек с бензином, радары для радиозондов, куча пустых ящиков. Снежный наст плотный, сильно выщербленный, ноги скользят, идем гуськом по тропинке. С припая открывається вид на море Дейвиса, остров Хасуэлла, гладь багряно-голубой в лучах заходящего солнца воды. Вот место, где в прошлом году разгрузились «Обь» и «Лена», где погиб провалившийся в полынью тракторист Иван Хмара, мус его имени и обелиск на нем. На рейде виднеется «Кооперация» и «Лена». Разыгравшийся два три дня назад шторм разбил остатки ледяного припая, на который удобно было выгружаться. Теперь придется искать подходящее место и более сложно выгружаться прямо на ледяной барьер.

...Дом № 9 — геофизики. На крыльце в ящиках три императорских пингвиненка, их взяли на острове Хасуэлла весной, когда «Обь» только пришла, чтобы отвезти в Москву. В пятнадцатиметровой комнате битком народу. Здесь и Алексей Поликарпов, наш коллега по Институту физики Земли. Все радостные, обнимаются, что-то кричат — шутка ли, встреча после года зимовки! Сразу, конечно, импро визированный стол, тост «за встречу»... Жадно ищем в лицах людей следы прошедшей зимовки...

...23 января. Мы на «Лене». Решено выгружать тяжеловесы (самолеты) на льдину Западного шельфового ледника, а потом вернуться в Мирный и доразгрузиться у барьера.

26 января. Ночью «Лена» вернулась с Западного шельфа. Началась разгрузка — смены по двенадцати часов, день и ночь. Барьер, к счастью, невысокий, но, боимся, непрочный. Самые большие труппы — № 2 и 3. На них брошена основная масса людей. Бульдозеры расчищают дорогу, и тракторы тащат железные и деревянные сани, нагруженные стройматериалами, солярыки, приборами... Мы с Джамилем попеременно день грузим, день принимаем дела и учимся у Сытинского и Поликарпова секретам сейсмологии...

1. Оазис Бангера — остров бурых скал и голубых озер в белом безмолвии Антарктиды.
2. Зал сборки метеорологических ракет на центральной станции Антарктиды.
3. Запуск радиозонда.

4. Этот шар-пилот, подогретенный Г. Пащенко и А. Солоповым, поднялся на рекордную высоту 38 км.
5. Автор заметок на метеоплощадке станции Оазис четверть века назад.
6. Контроль комплекса приборов для измерения солнечной радиации.

7. Советская научная станция в бухте Опасной.
8. Возвращаясь из трудного похода в глубь Антарктиды, гляциологический поезд П. Шумского оказался в зоне опасных трещин. Вывести его помогли авиация и отвага водителей вездеходов (фото штурмана поезда Г. Лазарева).

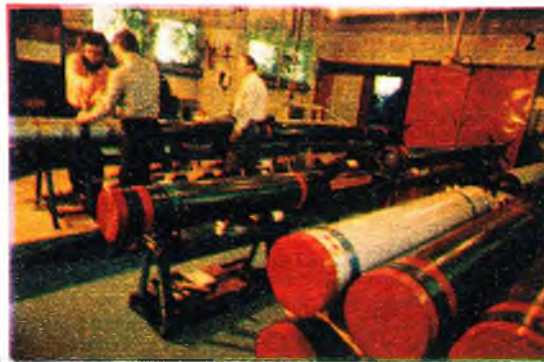
Разгружаем весело. К концу дня усталость накапливается. Самые тяжелые ящики, двести — триста килограммов, у космонавтов. А ведь сами-то космические лучи ничего не весят. Возвращаемся спать на «Лену», ручейки воды стекают к борту, бульдозер старательно засыпает трещину, намечающуюся то в одном, то в другом месте, взрывники добывают для этой цели снег. Разгрузка идет успешно, треть груза уже на берегу... Начинается холодный южный ветер. Сегодня никакой звонок меня не разбудит — так хочется спать...

28 января. Утро. Резкий тревожный звонок приводит в чувство. Сон, а вместе с ним и видения студенческих дней, которые посещают меня последние ночи, мгновенно отлетают. Кто-то пробегает по твиндеку, кричит: «Человек за бортом!»... У борта «Лены» — вельбот, двигатель не заводится, люди нажимают на весла, их сносит, но они упорно продвигаются вперед, туда, где на санях стоит по жилетку в воде со спасательным кругом человек. В 7.05 утра возникшая с вечера трещина стала стремительно расширяться. Обвал продолжался двадцать секунд. На рухнувшем участке было два человека и деревянные сани с бочками солярыки. Александр Пушкиков бросился к кораблю, в ту же сторону полетели сани, доски, бочки, чудом его минова, лишь слегка придавило ногу и палец руки. Саше кинули конец, а когда он, обвязавшись, ждал, что будут тянуть, крикнули:

«Выбирайся сам, еще один тонет!» Гидролог Филиппов при обвале побежал к берегу и карабкался на падающую глыбу. Обрушившаяся глыба раскололась на мелкие куски, которые моментально отнесло в море сильным ветром. Человек оказался по шею в ледяной воде. Хорошо, Дубинин крикнул с мостика, чтобы тот схватился за сани... «Лену» и «Кооперацию» сорвало с ледовых якорей, трос между ними с трудом успели перепилить. Корабли устремились прочь от опасного места. Филиппов, взобравшись на сани, выливал воду из сапог и ждал, пока вельбот на веслах забрал его. Мокрого потерпевшего напоили спиртом и посадили греться на весла.

В 9.45 инцидент с гидрологом был исчерпан. А с «Леной» продолжался — ветер не стихал, прежнее хорошее место для разгрузки было безнадежно потеряно. Когда ветер стих, «Лена» отошла на 20 км к востоку, к прошлогоднему припаю. Вездеход и «Аннушка» ищут новое место для разгрузки...

В 18.45 по московскому времени впервые передаются «Голоса родных и друзей» для Антарктиды.

29 января «Лена» пока приютилась у остатков припая двухметровой толщины. Геофизические ящики перевозят на вертолете и «Ан-2», но много ли они могут увезти... Утром опять обвал, и «Кооперацию», которая рискнула было подойти к барьеру, вновь от него оторвало. Все сменяемые геофизики поневоле остались на берегу, втиснувшись в дом № 9 теперь уже на птичьих (лучше сказать — «пингвиных») правах.

1 февраля — первый день последнего летнего (не ошибаюсь — южного полушария) месяца. «Лена» наконец нашла место у барьера западнее Мирного, километрах в десяти, у так называемых «Ленских приисков», где она разгружалась в прошлом году.

Писать дневник совершенно некогда, геофизический отряд занят по горло: сгружаем бочки, принимаем оборудование станций. Мы готовим грузы на Оазис, наш опекун, Николай Федосеев, успел слетать туда и выбрать место для сейсмостанции.

...Впервые наступили сумерки (Мирный — на широте Полярного круга), с каждым днем они будут увеличиваться...

3 февраля. Вечером с Джамилем пошли на «Лену» за моими вещами. Ну, прощай, родной кубрик № 6, хорошая в нем была сюда дорога и дружные ребята. Выволакиваем вещи на веревке на вертолетную площадку. Здесь стоит, направляя стрелу, у четвертого трюма Володя Бардин. Давно я его не видел, но и сейчас не успеваем поговорить — 11.30 ночи. Хлопаю по плечу: «Увидимся еще!»... Завтра должна уходить «Кооперация», с письмами — цейтнот, но сил нет, после дневной нагрузки надо хотя бы пять часи-

ков поспать. В 2.30 влезает в специальный мешок на неудобном полу строящейся «космички». А в это время там у барьера произошла катастрофа, дикая, непоправимая...

... 6.45 утра. Открываю глаза — будит незнакомый дежурный. Пытаюсь спать еще, но вдруг слышу: — На «Лене» обвалился барьер, девять человек упали, двое погибли, двое в тяжелом состоянии! — Когда? — В два тридцать ночи. — Кто? — Не знаю...

Но ведь это смена Володи Бардина. Моментально вспоминаю, что он как раз стоял на барьере, мои: «Еще увидимся» и его стихи на подходе к Антарктиде: «Может, я и не вернусь обратно, не увижу блеск любимых глаз»... Спешу к «Лене», угодил в трещину ногой по бедро. Посмотрел — глубоко, а испугаться не успел — мысль только о корабле. Но он отошел — якоря вырвало, ничего не видно. Подхожу ближе — предостерегающий крик с мостика: — Вперед не ходи! — Скажите фамилии! — Какие? — Мы знаем, был обвал... — Бурмистров и Зыков погибли, тяжело ранен Желтовский...

Барьер обвалился стремительно. Девятеро летели в воду. Женя Зыков — дипломник Макаровской мореходки, практикант, работяга неутомимый, за рулем, на палубе — везде. Когда отосило Филиппова, он прыгнул в воду в одних тапках, невзирая на холод. Володя Бардин оказался в метре от барьера, по эту сторону жизни.

Никого из «ленцев» увидеть не успел — поспешил в Мирный, сегодня летим с Джамилем на Оазис разгружать стройматериалы. Лихорадка

сборов, безоблачное небо и обжигающее солнце все это в таком диком диссонансе с катастрофой, сознание не в силах ее вместить...»

Оазис Бангера

...Можно прожить жизнь и не побывать в Антарктиде. Обидно проплыть в Антарктиду и не ступить ногой на материк. И жаль прозреть год и не видеть один из самых экзотических уголков Антарктиды — Оазис...

Человек быстро привыкает ко всему. Стоило пробыть в Мирном десять дней, и совершенно естественной казалась ослепительная белизна снега, столь ослепительная, что работа без защитных очков грозит потерей зрения. Такая белизна, что летчики, летавшие внутрь континента, описывали свои ощущения так: «Представьте, что сидите рядом с работающими двигателями в комнате и часами смотрите в хорошо побеленный потолок...»

Но через два часа полета вдоль побережья, в 330 километрах от Мирного, в точке с координатами 66°07' южной широты и 100°56' восточной долготы, среди белого безмолвия — чудо: черно-бурый и сине-зеленый огромный массив скалистых гряд, широких долин, причудливых озер.

Таким его увидел впервые в феврале 1947 года американец Дэвид Э. Бангер на летающей лодке. Он обнаружил «среди бесконечного ледяного пространства страну синих и зеленых озер и коричневых холмов. Во вселенной смерти был найден пригодный для жизни остров. Самолет, казалось, выпал из XX столетия в ландшафт прошедших тысячелетий, когда Земля только начала выходить из великого ледникового периода».

В начале 1956 года ученые первой Советской

передатчика, держат связь с «Ан-2») и две арктические (теперь антарктические) лайки. Снежная туча напором замедляет наш шаг, из нее, как в сказке из вихря, стремительно рождается вертолет — Колошенко в шлеме козыряет в последний раз. Мы выстраиваемся в шеренгу, машем руками. Итак, началось...

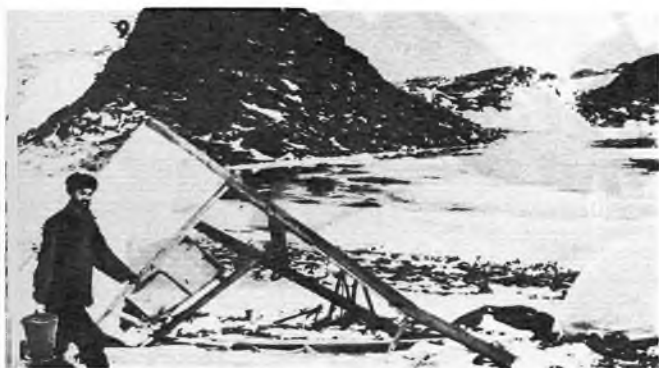
Наша оазисная трехсотшестидневная зимовка началась на три недели раньше, чем «Обь» и «Лена» окончательно покинули берега Антарктиды, забрав первую зимовку и оставив там 189 полярников Второй Антарктической экспедиции...

Три домика, два научных павильона, две палатки, метеоплощадка на берегу озера Фигурного и красный флаг на мачте — вот вам и станция Оазис-57. На площади, равной территории тогдашней Москвы, разместилось «население» в миллион раз меньше. На долгие месяцы, пока не окрепнет лед на озере, единственным средством связи с Мирным осталось радио.

...Через четыре дня после начала зимовки природа сделала «разведку боем»: несколько часов ревели и гудели от ветра мачты антенны, стояла горизонтально дощечка флюгера, шквал сбрасывал с лесенки метеобудки метеоролога, державшего измерить его силу, прогибались стенки домика. Внутри сборного домика при урагане полная иллюзия поезда — койки в два этажа, грохот, скрежет и качка. И все же здесь уютно, тепло, товарищи рядом за круглым столом, благоухает вкусный обед, и порой заглушает рев пурги вихор — с нами рядом «почетный зимовщик» А. П. Чехов.

А работа зовет за порог — брать отсчеты на метеоплощадке, запускать аэрозонд, проявлять сейсмограммы. Передвигаться против ветра можно, лишь сильно наклонившись вперед, «ложась на ветер» под 70 градусов. Этот первый и, увы, далеко не последний ураган сломал антенну, лишив нас связи почти на сутки, и унес только что построенный аэрологический павильон. Через много дней можно было услышать шутку: «В километре за горой — лист фанеры от аэрологического... — А зачем вы туда ходили? — Я не ходил, меня ветер унес».

Но это — «смех сквозь слезы»: слишком большим был урон, много авралов пришлось провести, прежде чем мы были гарантированы защитой от разбойника-ветра. Если внутриконтинентальные станции Пионерская, Восток-1 «хвастались» рекордами холода, то Оазис перещеголял силой ураганов даже Мирный (правда, там всегда пурга — ветер со снегом). Всю осень и зиму, дней двадцать каждого месяца, ветер набирал скорость 30—40, а в некоторых случаях достигал 60 метров в секунду.

9. Следы оазисного урагана — останки аэрологического павильона. Очередной дежурный Э. Орел направляется к озеру Фигурное за водой для камбуза.

10. Зимовщики антарктической станции Оазис-57 (слева направо): Н. Григорьев, Э. Орел, Г. Пашенко, А. Солопов, Н. Науменков, Н. Мосалов, С. Смирнов.

11. Приемный радиоцентр центральной антарктической станции.

Антарктической экспедиции провели здесь сезонные наблюдения. В октябре 1956 года, незадолго до нашего прихода, станция была официально открыта. Нам предстояло провести здесь год.

Величавый доисторический мир. Ни души, ни травинки, оглушительная тишина. Из-за скалы выныривает вертолет, несущий очередную партию продуктов, стройматериалов, горючего, необходимого для зимовки. В Оазисе нельзя без вертолета. Весной, летом и осенью самолеты садятся в 20 километрах на ледяное плато и всю связь со станцией осуществляет «вертобус», как тут его любовно окрестили. Пилот Василий Колошенко — мастер своего дела, влюбленный в это детище: не раз волосы вставали дыбом у пассажиров, когда он садился «на три точки» на площадке, где и человеку устоять трудно.

Оазис — один из немногих обнаженных районов распространения самых древних пород, «край геолога». Геологи Михаил Равич и Дмитрий Соловьев спешили изучить его до отхода кораблей, уже больше месяца день за днем пополняя коллекцию образцов архея.

Семеро дружных

17 марта. Наконец — погода. Над долиной, махнув крылом, появляется «Аннушка», она будет сопровождать до Мирного покидающий нас вертолет, на котором нет радиста. Сверху летчики, должно быть, видят такую картину: по свежему снегу идут шесть человек (седьмой — радист у

К зиме закончились строительные работы, озера покрылись толстым слоем льда, сквозь который виднелись камни и водоросли.

1 июля 1957 года началась Международный геофизический год — систематические наблюдения по согласованной программе на сорока четырех научных антарктических станциях, построенных тринадцатью государствами — участниками МГГ.

Ежедневно (часто даже при ураганном ветре) рабочий день начинали аэрологи, выпускали надутый водородом шар-зонд. Потом начальник Оазиса Григорий Пашенко следил за ним в теодолит, Андрей Соколов принимал кодированные сигналы о температуре, давлении, режиме воздушных масс там, где вершились судьбы погоды.

В ноль часов по Гринвичу на метеоплощадке маячила долговязая фигура метеоролога и поэта Сергея Смирнова, меняли ленты самописцев магнитолог Зиновий Орел — любых дел мастер, и «властелин» земных токов и полярных сияний Николай Науменков.

Мой сейсмический павильон находился на отшибе, в двухстах метрах от станции, в месте выхода коренных пород. Чуткие сейсмометры слушали биение пульса Земли. Антарктида была спокойна. Этот материк, намного превосходящий территорию Европы и по высоте — Азию, оказался асейсмичным. Но сейсмограммы Оазиса и Мирного, обработанные совместно с данными французской станции Дюмон-Дюрвиля, рассказывали о том, что делается на Земле «за тридевять земель». Декадные сейсмические сводки Джамиль Султанов отправлял в Москву.

Все данные, накопленные и обработанные за день, передавал по радио в Мирный наш неутомимый снайпер эфира и «агрегатный бог» Николай Мосалов.

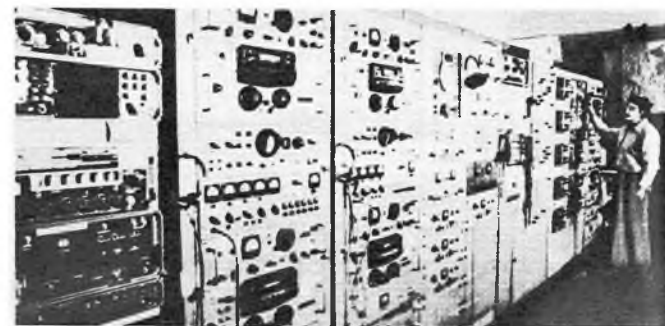
Непросто жить десять месяцев, видя ежедневно одни и те же лица вокруг, день за днем выполнять одни и те же обязанности. Монотонность — психологический бич зимовок и маленьких коллективов. Но срывов не было, зимовка шла дружно, бодро. Порука тому — понимание, что каждый из нас больше чем узкий специалист, что он — полярник, а значит — и строитель, и повар, и кинемеханик, и помощник «защищающемуся» товарищу, и активный участник авралов (укрепление павильонов, очистка территории, подготовка аэродрома, заготовка воды). Зимовка стала «школой жизни», товарищества, многочисленных практических навыков, проверкой нашей силы духа.

Прошла зима. Оттаял лед на озере у берегов, реке стали ураганы, а днем солнце припекало так, что мы рисковали загорать.

Весной мы вышли за пределы станции. Помогли проводить наблюдения нашему восьмому зимовщику, мерзлотоведу Николаю Григорьеву. (Он хоть и не был «приписан» к составу станции, но провел с нами больше половины зимы.) Особенно интересными были многодневные походы по озеру Фигурному к краю ледника, наползающего на Оазис, с «прилетными» гляциологами Петром Шумским, Сергеем Вяловым, Георгием Лазаревым, Вячеславом Богословским. Бродили по каменистым сопкам и отполированному ветром льду озера, собирали мхи, лишайники и коллекции оазисных пород — чернокита, граната, гранита, мрамора, чтобы по возвращении водрузить их на тридцать второй этаж высотного здания на Ленинских горах — в музей земледования МГУ. Вдыхали волшебную тишину удивительной страны и смотрели, смотрели на величавые картины, надеясь не забыть их никогда.

Первый вопрос, с которым встречают человека, возвратившегося из Антарктиды, — о пингвинах. Увы, мы были в «пингвиньем» городе Мирном лишь первый месяц, и тогда там были только маленькие, по колено, яркие и бойкие пингвинчики Адели. В Оазисе пингинов не было. Тоненькую полоску воды у берега Оазиса отделяет от моря Дейвиса стокилометровый ледник, через него пингвинам не пробраться, да и незачем — их пища в открытом море.

Сначала всю оазисную жизнь олицетворяли

белые снежные буревестники, гнездившиеся в скалах, и их враги — хищники поморники. Весной у фиорда появились тюлени.

Станция ураганов

И тут же Антарктида обрушилась на нас прощальным невиданным по силе «дутьем».

«29 сентября 1957 года. ...6.30 утра — будильник — подъем! Конечно, сразу взгляд в плексигласовое окно — бело, идет снег да дом дрожит от ветра. Значит, «общая пурга». И притом очень сильная, очки, конечно, надевать бессмысленно, а без них видеть термометр (утренний метеосрок Смирнов передал мне) трудно.

На метеоплощадке — «цирк с аттракционами»: летающая дверца будки термометров, неотпирающаяся дверца будки самописца, скользкая

щая лестница. «Клоун» — я. Горизонтальной видимости никакой, вертикальная — метров тридцать, так что устойчиво стабильное горизонтальное положение дощечки флюгера можно зафиксировать (больше 40 м/сек флюгер не показывает). Тепло: —6°С, снег мокрый, но вытянутая из перчатки рука сразу леденеет, а штормовка превращается в ледяной футляр.

Приходится брать упреждение в сторону востока наклоном тела. Ветер порывистый, когда он ослабевает, отступаешь или падаешь головой к восходу фактически не восходящего светила. Потом вихрь вдруг усиливается, гонит несколько метров, пока прыжком не остановишься и не приядешь в положение стартующего спринтера, оперевшись триконями в камни. Но на такой высоте в лицо летят мелкие камешки, жаль, из Мирного пока не прислали противопурговую плексигласовую маску.

...Зонд аэрологов лопнул, хотя, бывало, выпускали и в более сильное «дутье», но такой пурги еще не было. После завтрака, конечно, застаю в сейсмичке полный тамбур снега, единственная выгода из этого — не надо набирать на улице снег для воды. К обеду пурга не стихает. Сажу в сейсмопавильоне, обрабатываю ленты.

Перед ужином настойчиво звонят по очереди Смирнов, Пащенко, Солопов, советуют на чай не идти или уж брать спальник и не возвращаться в сейсмичку — ветер еще усилился, на вечернем сроке Смирнов не решился открыть будку. Но одному тоскливо, а чечевать вне дома нет смысла, ведь рано утром менять сейсмополенты. Я успокаиваю друзей, рассказывая, как я пойду назад: по кабелю до метеоплощадки, а там — руку подать до дома. Тщательно упаковав штормовку, шагнул через порог.

Ад крошечный. Первое препятствие — плохо закрывается дверь, а если не зацепить на крючок, в тамбуре придется рыть снежный тоннель. Наконец запер, обернулся на юг — ничего, терпеть можно, только в лицо мокрый снег. Нагнулся — с высоты 15—20 см фонарик способен осветить камни. Вот так, в полуприсяде, гусиным шагом пошел на метеоплощадку. Дважды ветер валит на бок. Но что-то долго нет площадки. На мгновение в сознании мелькнул испуг, но быстро прошел: «туда» не страшно, упрусь в озеро и сорентируюсь, труднее будет искать маленький теплый домик на пути назад. «Туда» — много разных ориентиров, один из них ударяет меня по носу вращающимися чашечками анемометров. Значит, это градиентная стойка — я забрался слишком влево от метеодома, до дома 50 метров, но в какую сторону? Пытаюсь вспомнить возможные повороты во время падений. Иду тем же полуприсядом...

Бочка. Значит, надо правее. И вдруг — зайти, ветер спал, значит, я за какой-то преградой. Ура! Агрегатная! Камбуз на секунду мигнул огоньком и снова пропал, а ведь до него 10 метров. Сначала зайти в метводом — предупредить, что я цел. Но где же дверь? И вдруг — головой в стену — нащупал. Все удивлены и довольны, что я все же пришел.

Но надо ведь и назад идти. Решаю двигаться от агрегатной, держа в руке свой осветительный провод. Ветер разъярен моей догадливостью и заставляет пачкать спину и бок штормовки о многие камни. Ага, какой-то кабель, но что за будка? Должно быть, кабель не тот, я обогнул дом и пошел вместо севера на юг. Проклятье! Наконец попадаетесь толстый кабель на камеру «сияний», по нему добираться до ее одинокого «скелета». Теперь самое опасное — идти вслепую, пока не наткнусь на «свой» провод. Уф-ф! Наконец — провод, а по нему — и спасительный, разумеется, заваленный снегом тамбур. Звонком успокаиваю наших: «все в порядке»...

Бешеной весной дарит нас Оазис».

Антарктическое лето

Лето принесло расцвет жизни и деятельности на ледовом континенте. 27 сентября на карте мира в нашей кают-компании появился флажок, с каждым днем передвигавшийся все дальше на юг — шла смена. 4 октября мы услышали победный голос первого советского искусственного спутника Земли. Его трасса опоясывала нашу «космическую колыбель», связывая воедино материки и народы, объединяя нас с родными, ждущими нашего возвращения.

8 октября другой флажок двинулся от Мирного в глубь континента к геомагнитному полюсу. Во главе санно-тракторного поезда «Весна» шел полярник-энтузиаст, начальник нашей экспедиции Алексей Трешников. С волнением следили мы за трудным походом, ставшим апофеозом нашей экспедиции. Каждый день Мосалов сообщал нам о пройденных километрах, погоде на трассе, здоровье участников, числе бочек горючего, сброшен-

ных на бреющем полете с самолетов для «подпитки» поезда.

16 декабря 1957 года Вторая Антарктическая экспедиция праздновала победу. В точке с координатами 78°30' южной широты и 107°00' восточной долготы — на расстоянии 1410 километров от Мирного и высоте более трех тысяч метров была создана научная станция Восток. Вместе с нами радовалась Третья Антарктическая экспедиция, начавшая принимать дела в Мирном.

Однако не только принять дела, но даже забросить письма и свежие продукты в Оазис оказалось непросто. Непогода разыгралась на много дней. Новый, 1958 год с искусственной елочкой из дерева, пакли и проволоки, с ракетным фейерверком на долиритовой сопке мы встречали все еще всемером. «Кооперация» с нашими созимовщиками на борту уже поднимала пары в обратный путь, а низкая облачность не пропускала вертолет в Оазис. И вот, когда казалось, что мы задержались в Антарктиде еще на несколько месяцев, ураган уступил.

Невероятным фейерверком контрастов, новых впечатлений, встреч, дел были последние бессонные (блго — полярный день) сутки в Антарктиде. Встречи-прощания с «однокашниками»: Сергеем Ушаковым — на льду фиорда, Борисом Бобыниным, принимавшим дела в Оазисе, Игорем Николаевым, заступившим на сейсмическую вахту в Мирном.

В 3 часа светлой ночи 10 января 1958 года два маленьких вездехода подруливают к дому радио в Мирном, «оазисяне» грузят вещи. Последний взгляд на поселок, последние объятия. Вездеход мчит к «Кооперации», кидая снег и холод нам в лицо, километр, два, пять, на юге высится ледяная громада.

12.30 дня — последние минуты в Антарктиде. Короткий прощальный митинг с теплыми речами Парфенова, Толстикова, Трешникова, Мещеряина, Кривака. Алексей Федорович взлетает вверх, а кинооператор Шамаков кричит: «Разверните же его ко мне лицом!» Крохотная группа машущих людей и вездеход удаляются от нас расширяющейся полосой воды, постепенно уменьшаются, сливаясь в одно целое с куполом вчера еще своей, а с сегодняшнего дня, — быть может, на всю жизнь — опять уже далекой страны, которую из сердца выкинуть нельзя, да «и не надо — как редких и дорогих гостей».

И снова полпыли за кормой «географические пояса», необычайно остро воспринимали мы полузабытые атрибуты привычного с детства мира. Сорок дней плавания, экзотический остров Маврикий, тропические ливни, следы войны в Суэцком канале, камень на память с пирамиды Хеопса, Афины у ног Акрополя, воды нашего Черного моря, и под гудки пароходов Вторая Антарктическая экспедиция уходит в Одесский порт, у пирса — до боли дорогие лица родителей...

Наша экспедиция действовала в начале многолетнего и многотрудного пути. Важно было зацепиться на дотоле неприступном ледовом барьере, организовать комплексные наблюдения в ряде пунктов внутри шестого континента и начать разматывать клубок ста тысяч «почему» и «как», который являла собой Антарктида.

Как возник этот вселенский рефрижератор, что нынче пересиливает — оледенение или таяние? Что представляет собой «ледяная корона» и что скрывает она, материк ли, архипелаг островов или океан под стать Северному Ледовитому? Было ли в истории Антарктиды доледниковое существование, какие тайны прошлого Земли хранят ее породы? Какое влияние оказывает шестой континент на остальные пять, их погоду, температуру и влажность, водные и воздушные течения? Может ли Антарктический ледник растаять и что будет тогда? Какой сейсмический норов Земли и внутренняя структура коры и мантии в районе Южного полюса? Ключи к этим загадкам начали подбирать первые экспедиции и продолжает нынче двадцать шестая.

Невозможно в краткой статье — да и не в этом задача — подвести итоги научным изысканиям Второй Антарктической экспедиции. Об Антарктиде уже написаны и еще будут писаться тома воспоминаний и научных монографий. Пусть не взыщут те дорогие памяти сердца друзья, созимовщики, чьи имена не попали в эти короткие строки. (Пусть откликнутся затерявшиеся в бесконечных делах и годах Большой Земли оазисяне.) Автору хотелось подчеркнуть волнующую значительность и экзотичность зимовки, которая стала для него и многих его товарищей первым шагом на пути понимания неповторимой планеты и многогранной жизни.

